

- [Крупин Владимир](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Крупин Владимир

Событие, вписанное в вечность

Владимир Крупин

Событие, вписанное в вечность

Возрождение Троицкой церкви -

- это главное событие XX века для Кильмези - великого русского села, стоящего на Великом сибирском тракте. Ныне Кильмезь - поселок городского типа, центр района Вятской (пока Кировской) области. Это моя родина. И представить, что я мог где-то родиться, кроме Кильмези, я не могу даже в

страшном сне.

Церковь возрождается, возвращая себе первоначальный вид. До него еще очень далеко, но уже одно то, что сделано, радует до умиления. Ведь в церкви пятьдесят лет подряд был дом культуры, она была обезображена пристройками, были свержены купола храма и колокольни, ограду, легкую и ажурную, растащили. А в самом клубе творились главные события в жизни района: конференции, пленумы, смотры самодеятельности, концерты гастролеров, крутилось кино...

Вятская земля всегда была набожна, богомольна,

богобоязненна. За это Господь награждал ее людей красотой, добрыми нравами, силой, мастерством и удальством, вятские работники славились по всей России. Вышедший очередной том вятской энциклопедии "Знатные люди" поражает обилием имен прославленных наших земляков во всех областях культуры, науки, техники, дипломатии, политики, военного дела. Зависть к вятичам была такова, что большевики свершили над Вятской губернией усековение, отрезав от нее щедрые кусищи и даря их татарам, марийцам, удмуртам. Вятских я встречал во всех концах своих странствий, во всех

пределах сотворенного Господом мира. Чувство родной земли в вятичах так сильно, что его можно сопоставить только с любовью к своей единственной избраннице, которую в юности любишь страстно и ревниво, а с годами понимаешь, что она и ты -- это одно, и даже в разлуке каждое мгновение она с тобою. Так и своя земля для вятских.

Милый мой дом, береза моя, которая всегда узнавала меня и сейчас тихо и ласково своими ветвями со свежими листьями касается моих щек. Все съезжилось и уменьшилось: и двор, обтяпанный по сеновалы, да и сеновалов нет, убогие сарайки для дров, нет красивых

ворот с резными столбами и овальной табличкой на них: "Российское страховое общество 1903 года", нет погреба, хлевов, огорода, палисадника с мальвами и ноготками. Но они есть в памяти, и так осязаемо, что я вслед за Аристотелем готов сказать, что идея предмета более живуча, чем сам предмет. Чувства определяют поступки и формируют память. А память -- может быть, главная составляющая души.

И дом, наша квартирка, как-то тоже сократился. Еще бы, столько ждал, усох. Нет полатей, не стоит в передней сундук, не растет у окна домашняя березка в кадке, не

теснятся на печке валенки, а в сенях сапоги, не висит в чулане свиная туша, не гремят на крыльце уроненные из детских рук поленья, не мяукает громко и обиженно кошка, и не слышен дружный возглас: "Не ходи босиком!", не стоит у крыльца верная, надежная Жучка... Как мы тут жили ввосьмером, вдевятиером, да еще всегда кто-то гостил, -- как? Я сейчас живу один, и то вроде не очень просторно. Но до того же хорошо. Господи!

Сейчас я приехал на освящение престола. Батюшка, отец Александр, запряг меня сразу и энергично. Мы переносили из храма, в котором

служили пять лет, иконы и лампы. В здании раньше был нарсуд. Был ли он народный, не знаю, но то, что в нем судили, это точно. А еще до него тут была ШКРМ -- школа рабочей и крестьянской молодежи.

Куда ни глянь -- вспышки памяти как зарницы. Как рассказать тем, кто не видел Кильмези, о ее красоте? Трудно.

Кильмезь очень зеленая. Очень зеленая прежде всего сама улица Зеленая, но и Троицкая (ныне Советская и Первомайская) тоже очень зеленая, да еще и такая широкая, что на ту сторону улицы надо кричать, чтоб тебя услышали. Зелена и уютна любая улица: и

Школьная, и Колхозная, и Промысловая, Труда -- любая. Зелена и длинна улица Горького, и весь в зелени переулок Горького, отмеченный к тому же минаретом с сидящей на нем вороной и не сдуваемой никаким ветром. Прекрасна Кильмезь, когда глядишь на нее с Красной горы: серебрятся серые крыши, темнеющие при дожде, а когда над Кильмезью встает радуга -- а она здесь бывает чаще, чем в других местах, -- то под ее семицветием крыши кажутся крытыми цветочными лепестками. Деревьев, кустарников и цветов в Кильмези количество несчетное: естественно, в первую очередь

березы, потомки посаженных еще Екатериной и означающие власть белого царя, ныне вывозимые бизнесменами всех мастей на мебель в многочисленное зарубежье, клены и дубы Заречного парка, лиственницы, рябины, акации, жасмин, а из цветов все, что цветет от сошествия снега в апреле до его нашествия в ноябре. Перечислять бесполезно, ибо все равно любое перечисление нужно будет умножать на десять, ибо Кильмезь -- это неогороженный ботанический сад.

Вновь и вновь охватывает меня ощущение, что вся моя жизнь приснилась мне, а жил я всегда в своем доме. В доме, в котором мне

пригрезилась, примечталась моя будущая жизнь, а когда она исполнилась, я будто приехал отчитаться.

Главной религиообразующей силой, если можно так выразиться, в Кильмези является православие. Это естественно, мы же в России. Но вокруг и около намешано всего изрядно. О мечети мы упоминали. Есть старообрядцы. Есть и беспоповцы. Также в Кильмези есть и протестанты -- плоды демократии. Есть поклонники Рериха, но это единицы, есть и порфириеивановцы. Вроде всех перечислил.

Да, но как же мы вчера затягивали в кабинет батюшки два

сейфа: один две тонны, один тонну двести! Оба с медалями парижской выставки, обоим по сто лет. Это надо было заснять на пленку, чтоб паки и паки воскликнуть: "О русская женщина, все тебе по плечу!" Даже стальной сейф. Из мужчин был вначале один я. Когда я осознал, что могу не дожить до освящения, пришли Виктор, молчаливый столяр, Валерий, прихрамывающий сварщик, и его молодой напарник Евгений. Дело пошло продуктивней. Но все равно основной тягловой силой оставались женщины. Они, обладая лошадиной выносливостью, в отличие от бессловесных животных, еще и рассуждали. Когда одна что-то

предлагала, пусть дельное, ее тут же глушили голоса, предлагающие другое. Колесики сейфа вдавливались в бетонный пол, бороздили его. Мы подкладывали фанеру -- трещала, доски -- ломались. Виктор раздобыл стальные полосы, по ним сейф пополз легче. Нет, слово "легче" тут не подходит. Какое там легче, если я изогнул стальной лом-шестигранник! Да, если бы я работал не на церковь, а на другого хозяина, я бы уже был с инфарктом. Сейф, как и любые другие предметы, жил своей жизнью и в новую влекся с большой неохотой. Он чувствовал, что уж не держать ему на стальных полках

обильной денежной массы, а хранить освященное масло, святыни Палестины, афонский ладан, священное миро, ну и, конечно, копеечки, лепты вдовиц и благодетелей. Нет, не был готов к такой жизни банковский сейф, но, наверное, он рассуждал так: это все-таки лучше, чем быть сданным в переплавку. Воруют же кругом металл. И потихоньку сейф докатился до своего места. Второй сейф был без колесиков, я думал: ну, уж под ним точно погибнем. Но нет! Виктор, человек молчаливый, но нужнейший всем умелец, когда надо что-то прибить, подвинтить, отвинтить, подстрогать, приладить,

прибить, подсверлить, приколотить, подтащить, утащить, подставить, отставить, -- Виктор принес маленькие твердые палочки, мы по ним, доставая их сзади и подкладывая спереди, подкатили второй сейф влеготку. "Влеготку" -- слово тоже из детства.

Остальное церковное имущество было куда легче. Был и еще один сейф, от свечного ящика, но мы его вдвоем с Сергеем, худощавым, с рыжей бородой, перенесли в тачку и прикатили.

Сам перенос икон, хоругвей, креста, подсвечников, столов, стульев походил на крестный ход. Впереди шел со свечой Даниил в

зеленом стихарике, за ним крест, хоругви, иконы. Даниил шел тихонько, и главная его забота была сохранить огонек на свече. Огонек трепетал, уменьшался, метался, почти исчезал -- но не угас! Хотя был ветерок после долгого дождя. Этот дождь заставил организаторов сабантуя отменить праздник. Хотя собралось много желающих посмотреть состязания молодежи. И в наше время мы бегали в Тот-Кильмезь, за четыре километра, и видели, как взрослые лазили по гладкому шесту за привязанными к вершинке сапогами. "Лазят сейчас?" -- спросил я. "Лазят".

Утром была последняя литургия

В храме, маленьком и тесном, но таком родном. Даже и мне, всего-навсего раз десять в нем причастившемся, и то было как-то грустно, а каково прихожанам. С шести утра батюшка поставил меня читать покаянный канон и последование ко святому причащению. Днем снова работали в новом храме. Нет, никак не пишется "в новом храме". Просто: в храме. Вот пройдет лет десять хотя бы, и никто не вспомнит, что тут был дом культуры. Конечно, забывать нельзя о трагедии России, о временах воинствующего безбожия, но эти же времена показали и бессмертие России и бесполезность нападков на

нее. Надо ли рассказывать, как оскверняли храм? Не хочется. Замечу только, что человек, который сбрасывал колокола, сошел с ума, а человек, который раскапывал у алтаря могилу владыки архиепископа Алексия (Молчанова), экзарха Грузии, вятского уроженца, потерял обе ноги и ходил под себя. И хватит с них. Прости их, Господи, а мы зла не держим. И не будем на будущее обольщаться: как только бесы чувствуют безнаказанность, они неистовствуют. Вселяются в людей невоцерковленных, и вновь начинаются гонения. Кто кого гонит? А свои своих. Не приезжал же комиссар из Бердичева взрывать

Александро-Невский собор в Вятку, сами взрывали, выслуживались перед властями. Что говорить...

Последняя вечерняя служба в деревянном храме была многолюдной. А когда стали разбирать, кто что понесет, тут уж было слез. Но храм же не закрывается, остается храмом, в нем будет воскресная школа, поэтому, когда сейчас подходишь к нему, он не смотрится сиротой.

Но какое же благолепие в возрожденном храме! Тут тоже лились слезы, но уже слезы трогательного умиления и радости. Певчие осваивали просторное по сравнению с прежним место,

свечной ящик стал вместительнее. На чистых больших окнах белые ажурные решетки, новые аналои расставлены по стенам, на них иконы. В центре большущая пальма, будто тут и выросла. Перед нею распятие. Для пожертвований установлены пирамидки, на них надписи: "Спасите свою душу - пожертвуйте на храм". Неужели такая надпись не прошибет состоятельного человека? Душа-то и у него есть.

Хотя и тружусь в храме, так как постоянно бываю востребован батюшкой, но и дома стараюсь что-то сделать. Главная радость обстановки -- купил половики.

Такую красоту жалко стелить на пол, обувь сама соскакивает с ног -- как можно ступить подошвой на красоту? Расстелил, сижу как на ковре-самолете и лечу от счастья.

Здесь время идет иначе. Успеваешь гораздо больше, чем в Москве, но все равно кажется, что мало успеваешь. Каждый приезд собираюсь и там, и там побывать, ступить в свои детские и юношеские следы, но приходится снова откладывать. В этот раз, конечно, главная занятость времени -- храм.

Новость -- наш универсальный Виктор дрогнул, не выдержал напора неумеренных похвал... и, как говорится, "Не вино меня стубило, а

"Будь здоров" да "Будь здоров"". Все обсуждают возможные сроки пребывания Виктора в нерабочем состоянии, но сходятся в одном: что не меньше трех дней. Да тут еще новое искушение, и очень серьезное: исчезли кованые гвозди для освящения престола. Их надо именно ковать, другие не годятся. Неужели кто-то куда-то использовал? Версию, что украли, никто не выдвигает. И в самом деле, желающих помочь по мере продвижения к великому событию все больше. Без конца что-то к чему-то прибивается. Уже, видимо, гвозди куда-нибудь забили. Выручает сварщик Евгений. Выспрашивает у батюшки размеры,

выскакивает на улицу, тормозит пролетающий мимо мотоцикл, вскакивает на него и исчезает.

Ох, сколько же раз бедные женщины мыли пол -- и моют и моют. Положат выжатые тряпки, все старательно вытирают ноги, но ведь надо без конца за чем-то бегать в прежнюю церковь, носить воду, просто все время заходят любопытные, и не всегда православные, они ступают уверенно, креста на себя не кладут. Диву даюсь, в Москве бы такое пресекалось. Не пускали бы, да и все. Тут безропотно берутся снова за тряпку. Старушки, уже неспособные помогать, из церкви не уходят, сели

поближе к огромной, чисто выбеленной печке и ведут разговор. Разговор один: "Слава Тебе, Господи". Да и остальные постоянно отрываются от трудов, смотрят на алтарь правого придела, Михаило-Архангельский, который освящать, на царские врата, на расставленные аналои с иконами, на подставки с цветами и тоже радостно и умиленно крестятся. Распятие убрано кружевами такой белизны, как облака над Фавором. И все уже прикладываются, припадают к ногам Спасителя. Убран и второй придел, будущее его освящение вернет ему имя Богоявленского. В нем будут крестить, в правом отпевать, а

венчать в центральном, работа над которым еще впереди. Работы еще -- начать и кончить. Дал бы только Бог батюшке здоровья.

Слышен треск мотоцикла у самой паперти -- в церковь вбегают Евгений, держит в руках, в тряпке, горячие кованые гвозди. От восторга одна из молодых женщин, Лена, или Таня, или Света, мне их ни за что всех не запомнить, целует Евгения в щеку. Я боюсь, что такое возведение в героический сан может повести Евгения по следам Виктора. Батюшка рассматривает гвозди, уходит в алтарь, примеряет их и говорит Евгению, что тут надо убавить, тут прибавить. Евгений

вновь кидается к мотоциклу.

В подсобке всех поят чаем. Перед чаем молитва. Некоторые деточки еще не могут правильно креститься. Их учат. Дети пьют вначале тихо, потом начинают обсуждать недавнюю работу, они перетаскивали кучу песка и глины. "Ну ты, блин, мне наваливал!"

Утро освящения тихое, спокойное. Береза, будто все тревоги остались позади, спит, положив на утренний воздух свои листочки. Вскочил я в рань раннюю, хотя батюшка велел только к семи. Обычно служба -- последование ко причащению, исповедь, часов с шести. Но сегодня много служб,

основная -освящение престола, литургия, затем молебен. Не один я проснулся, под окнами идут знакомые женщины из церкви, все нарядные, с цветами.

А мне-то во что одеться? Вспомнил, как все пятнышки с моего рабочего пиджака после перетаски сейфов оттирали женщины. Они справедливо полагали, что выходец из народа, вернувшись в народ, должен выглядеть прилично. Помню, как огорчалась мама, когда я после института приезжал в какой-либо куртке. "Ой, женщины на работе говорят: что уж, он у тебя не может на костюме заработать?" -- "Да есть у меня костюмы". И вот я в следующий

раз приехал показать, что костюмы есть. Прошелся по поселку. Да, видимо, забыл с кем-то поздороваться. Мама пришла домой и сообщила: "Женщины говорят: вот ведь как сын-то у тебя разгорделся, вынарядился, никого уж не узнает". Так что в деле одежды никому не угодишь. Но насколько я заметил, здесь женщины одеваются очень достойно: не крикливо, все к лицу. Увы, много брючных нарядов, увы, мало длинных, заплетенных в косы волос -- что ж, и здесь телевизоры, и здесь в киосках развратные московские издания.

Но что я об этом. Господи Боже мой, это же такое событие --

освящение престола, оно перекрывает все события текущей жизни: крики в Госдуме, конституции, визги эстрады, любые фестивали, смену партий, выборы любых президентов... почему так? Да потому что это все события временные, а освящение престола -- событие, вписанное в вечность.

День освящения! Сияет солнце, люди нарядные. Около храма чисто, зелено. Возбужденные собаки тут же. Но их гоняет пес Мухтар, который прибежал к церкви вместе с хозяйкой, приходившей помогать в уборке, и привык, видимо, считать, что церковь -- это объект, порученный ему для охраны. Людей он пропускал

и выпускал, но собак всяких пород держит подалше.

Те же чугунные рифленые плиты, тот же мрамор плит перед папертью, так же бьется сердце, как в юности, когда шел сюда, в дом культуры, и надеялся встретить избранницу. И вот: гремела тут музыка -- сейчас молитвенное согласие церковного хора. Тогда читал наизусть стихи -- сейчас читаю МОЛИТВЫ.

Батюшка благословил читать покаянный канон и последование ко причащению. Надеюсь и сегодня причаститься. Вчера последнее причащение в прежнем храме, ныне первое в возрожденном. Наши

певчие волнуются, сегодня будет петь церковный хор из Вятских Полян, есть чему поучиться. Уже приехал отец Алексей Сухих, протоиерей, любимый народом, очень много сделавший для восстановления памяти о репрессированных священниках, готовивший многие материалы к канонизации новомучеников. Он сегодня освящает семнадцатый престол. Всего будет семь батюшек, из них два монаха. Читаю, стоя на клиросе, ощущаю, как храм наполняется людьми, оживают подсвечники у икон, к свечному ящику очередь, подают памятки, или, как здесь говорят, пометки, о

здравии и упокоении. После канона начал читать акафист Сладчайшему Иисусу. Чувствую, как напрягается внимание и благоговение, когда читаю: "Иисусе, сердца моего веселие. Иисусе, тела моего здравие. Иисусе, Спасе мой, спаси мя. Иисусе, Свете мой, просвети мя. Иисусе, муки всякия избави мя. Иисусе, спаси мя, недостойного. Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя... Иисусе, Свете святой, облистай мя. Иисусе, болезни душевныя и телесныя избави мя. Иисусе, из руки сопротивные изми мя. Иисусе, огня негасимого и прочих вечных мук свободи мя... Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя..."

Дочитал. Исповедь. Принимают

несколько батюшек, ко всем очереди. "Мужчину, мужчину пропустите", -- слышу в свой адрес и подхожу к незнакомому батюшке. В чем каяться пишущему и говорящему человеку? Конечно, прежде всего в "языческих" грехах. Сколько же горя приносит нам этот вроде бы спрятанный за частоколом зубов наш маленький враг! Нет, я бы скорее хотел онеметь, нежели ослепнуть или оглохнуть. Все тяжелее говорить, и все более хочется молчать. А молчать не выходит, жизнь втрагивает. Но и кроме грехов многословия, лжи, клеветы, осуждения полно всяких. Когда отступают от человека явные грехи, появляются новые,

утонченные, мысленные. Летят из прошлого в тебя камни, цепляются воспоминания, всплывают обиды, кому-то нанесенные... Да, до последнего издыхания не отойдет от нас враг нашего спасения, потому и молим, чтобы Господь до последнего издыхания сподобил нас причащаться святынь во оставление грехов и в жизнь вечную. Вятские батюшки так принимают исповедь, что из камня исторгают слезу. Помню, давно исповедуясь на великорецком крестном ходе, я сказал батюшке фразу, которая мне казалась совершенно искренней и выстраданной: "Я понимаю свою греховность, осознаю свои грехи и

каюсь в том, что плохо и мало борюсь с ними". Батюшка, высокий, худой, сказал резко: "Осознаешь? Да если б ты осознавал, ты тут у меня бы уже головой бился, рыдал бы уже".

Отец Алексей -- человек мощных размеров, рядом с ним наш отец Александр смотрится как подросток. Они хлопочут вместе у царских врат, размещая образы Благовещения и евангелистов.

Начинаются часы. Потом акафисты Пресвятой Богородице и святителю Николаю. Все волнуемся: певчие опаздывают. Дорога у них неблизкая, сто двадцать километров плюс паромная переправа через

Вятку.

Приехали! Много, целый хор. Тоже очень рады, что такая просторная церковь, быстро готовятся к службе. Отец Алексей благословляет меня быть в алтаре во время освящения. Честь великая. Я однажды, тоже давно, по благословению стоял в алтаре во время пасхальной службы, прямо весь извелся. Московский храм, много священников. Это такая напряженная, непрерывная работа. Входы, выходы, возгласы, чтения, пение хора, переоблачения, все должно было идти согласованно и непрерывно. И главная трудность, как я понял, была в том, чтобы при

всей сложности службы не потерять молитвенного состояния. Именно оно передается молящимся в первую очередь, а потом остальное: согласное пение хора, четкое чтение Писания, облачение священников.

На окне в алтаре большой самовар. Из него, облачившись, по очереди все моют руки, вытирают чистыми, расшитыми полотенцами. А таких полотенец в церкви больше, чем в любом музее народного творчества. Такие вышивки, такие узоры - не наглядеться. все натащили женщины, все готовы отдать в Божий храм.

Батюшки, по трое со стороны престола, встали и замерли. Во главе

отец Алексей. Негромко и как-то очень проникновенно он произносит:

-- Молимся, отцы. -- И после некоторого молчания, тоже негромко и спокойно: -- Надевайте запоны, отцы.

Запоны -- это ослепительно белые передники, вроде фартуков. Они специально сшиты к освящению.

Батюшкам помогает дьякон, молодой, смуглый, с длинными черными волосами. Снова встали у престола. Снова отец Алексей:

-- Молимся, отцы. -- И много громче, внушительнее трижды произносит: -Боже, очисти мя,

грешнаго. -- И уже совсем громко, так, что слышно во всех уголках храма, возглашает: -- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

С престола снимается крышка, окропляется крестообразно с обеих сторон святой водой. Отверстия для гвоздей заливаются темно-розовым воском, готовым заранее. На него легонько дуют, охлаждая. Доска становится на место. В отверстия вставляют гвозди, раздаются крупные чистые камни:

-- Забивайте!

-- Господи, благослови!

Дружный, сильный стук сотрясает здание церкви, отдается в куполе и летит по округе. Хор

ликующе поет: "Святой Боже,
Святой Крепкий, Святой
Бессмертный, помилуй нас".

На престол крестом
выкладываются четыре ножа.
Отверстия, шляпки гвоздей, вновь
заливаются воском. Он быстро
застывает. Ножами соскребают воск,
равняя с гладкой поверхностью.

-- Отцы, -- говорит отец
Алексий, -- не забывайте
пятидесятый псалом. Омываем.

На престоле появляются
двенадцать кусков мыла, льется
горячая вода. Престол омывается
весь: поверхность, ножки,
внутренние поверхности. Вода
стекает на белые разостланные

полотенца.

Дьякон раздает чистые полотенца, которыми досуха вытирается блестящее гладкое дерево. Отцу Алексею подносят кувшин с теплым красным вином. Он добавляет в него пузырек розового масла. Выливает немного на престол:

-- Растирайте. Отцы, не забывайте пятидесятый.

Еще добавляет вина и масла:

-- Губки.

Губками тщательно втираются в престол вино и масло. Престол на глазах становится солнечным. От усердия лица батюшек раскраснелись. Отец Александр

прямо светится.

-- Мирю.

Мирю, освященным маслом, отец Алексей ставит кресты на углах престола и в центре.

-- Облачаем.

Над престолом возносится и опускается подризник -- сшитое покрывало снежной белизны. На него кладется клубок серого тонкого шнура. Туго обводят, передавая друг другу клубок, по периметру престола, помещая шнурок в приготовленную с краев канавку. Слышно, как хор гремит: "Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы православным христианам на

сопротивная даруя и Твое сохраняя
Крестом Твоим жительство".

Следующий покров -- изумрудно
сверкающий. Завязки по углам.

Еще покров, уже не до пола,
бархатный зеленый. Все окропляется
святой водой. Ставится
дарохранительница -- золотая
пирамида с крестом, зажигается пред
нею свеча от Гроба Господня из
Иерусалима, обожженная в момент
сошествия Благодатного огня в
страстную субботу. Кладется
Евангелие, по обе стороны от него
кресты.

Облачается жертвенник.
Освящается крест в центре алтаря.
На длинный тонкий шест

укрепляется кисточка. Ею отец Алексей ставит кресты под потолком алтаря. Благословляет одного из батюшек напечатлевать кресты в храме. Отец Алексей негромко -- видно, что очень рад, -- говорит:

-- На Афоне черепа Божиих угодников желтые, восковые. Видели, какой престол, -- такой же.

А солнышко, мы же забыли о нем, так сияет, так старается напомнить о себе, что ведь оно, солнышко, тоже при чем, оно же пятьдесят лет светило на обезглавленный храм, оно же грело его, осушало после снега и дождей, сохраняло, оно же знало, что

вернутся и крест, и купол, и колокольный звон.

Да, вот со звоном пока не налажено. Когда начинается крестный ход, он проходит не под благовест праздничного трезвона, а под звуки одного колокольчика, который несет и трясет приехавший алтарник. Колокольчик призывает всех кильмезян в школу благочестия, в храм, на уроки спасения души. Людей так много, что когда мы с крестом, иконами, хоругвями потихоньку обходим большое здание храма, ступая на места, бывшие танцплощадкой, волейбольным и баскетбольным полями, и возвращаемся ко входу, то из церкви

все еще идет и идет народ. В руках горящие свечи. Ни одна не гаснет, воздух благоговейно замер. На паперти перед закрытыми дверьми храма возглашается: "Кто есть сей Царь славы?.. Возьмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная; и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь сил, Той есть Царь славы". Врата открываются, и мы входим уже не в бывший храм, не в бывший дом культуры, а в храм Божий.

В алтаре коленопреклоненно отец Алексей читает молитву ко Господу, прося избавить освященный храм от огня, меча, труса, нашествия иноплеменников, междоусобных

брани. Все в алтаре и в храме на коленях.

Начинается литургия. Сколько же сегодня пролито радостных слез. Причастие. Проповедь отца Алексия.

-- Свершилось великое таинство, возрождение храма. Пасхальная радость охватывает всех нас, и из сердца моего рвется к вам возглас: "Христос воскрес!"

И единым сердцем, едиными устами все мы отвечаем:

"Воистину воскрес!"

А свечка от Гроба Господня на престоле все горит и не сгорает.

А уж у меня вдвойне пасхальная радость: отец Алексий благословил меня большой просфорой, и еще

досталось полотенце, которым прикасались к престолу. Незабываемый от него запах. Если бы никогда не выветривался...

Дома положил просфору на это полотенце. Вот и у меня в доме святыни от освящения.

После службы, отстояв шесть часов и ни капельки не устав, радостный, боясь искушений после причастия, ушел на дальнюю околицу, к логу, к той тропинке, что вела на сенокосные лесные луга, за Воронье. Нет тропинки, есть трасса Казань--Пермь. Что ж делать... Но линия горизонта осталась, но ручей течет, но мальчишки ловят пескарей, но цветы детства цветут. Еще ушел

подальше, сошел с дороги и шел по цветущим травам, тревожа и вздымая в воздух их запахи. Бело-желтое пространство цветочков куриной слепоты, парашютиков тысячелистника, красной липучки, полевой гвоздички, клевер, рыжие копыя конского щавеля, коричневые пестики, метелки травы "петух или курочка", ладошки подорожника, колокольчики -- все было таким трогательным, пестреньким, как нарядный ситчик, и так напоминало нарядные платочки женщин в церкви.

Не одному мне было хорошо на околице. Сидела и компания, на зов которой пришлось подойти.

"Конституция, -- говорили они, -- день республики, как не выпить". Интересное дело, что мы отмечаем двенадцатого июня: разрушение великой страны, праздник приватизаторов, праздник бесов вседозволенности, праздник отмены совести?

-- А на открытии церкви были?

-- Слышали, слышали, автобусов, говорят, много приезжало. дак все равно бы не попасть. уж когда окончательно отделают -- тогда. Там, в первом зале, и танцам-то было тесно, выйдут три пары и толкаются.

Хожу, и уже кажется, что живу в настоящем, а не ищу прошлое. Оно

все во мне, и такое счастье, что все плохие воспоминания отпадают, как хвост у ящерицы, а хорошие крепчают. Вот и фамилию разрушителя церкви узнал - Двоеглазов, но и это не хочется помнить. Вот Геннадий, одноклассник, вспоминает, что на Пасху в доме культуры устраивали танцы, причем бесплатные, до часу, пускали и старшеклассников. Я не помню. Значит, мама не пускала. А сияние пасхального солнца, крашеные яйца, белую рубашку, качели, гулянья на Красной горе помню все ярче и явственнее.

-- А колокола были, -- говорит майор милиции Николай Алексеевич

Сухих (мы встретились на улице), -- такие были колокола, что ударят, старики говорили, и кони на дыбы вставали. Нигде не было таких колоколов, как в Кильмези. Я в Докучаеве жил, слышно было. В Дуброве слышно, в Бурашах. -- Николай Алексеевич моложе меня, а воспоминания одинаковы -- о первой весенней зелени, о радостях детства. -- Мы в детстве зимой, ближе к весне, зайцев ловили, -- вспоминает он. -- Голыми руками ловили. Или говорили: пойдём лис смотреть. Вот сколько зверья было. Река Зеквай, щуки, окуни, а в Валу впадал Зеквай, в ней уже гольцы, она в Кильмезь, в Кильмези стерлядь, судаки.

В благодарность рассказываю майору о выступлении очень крупного милицейского чина на межобластной конференции "Православие и образование". Чин, выйдя на трибуну, сразу заявил, что он атеист, а дальше четко, по-военному доложил: "В тех населенных пунктах, где возрождается или заново строится православный храм, криминогенная обстановка заметно оздоравливается". Так что камни пока не вопиют, ослицы молчат, но атеисты уже свидетельствуют о Божием присутствии на земле.

Николай Алексеевич очень одобряет открытие храма:

-- Больше храмов -- меньше тюрем. Ведь за ерунду сажаем. А кто ближе к церкви, тот дальше от преступления.

Рано утром батюшка уже в церкви. А там радость так радость: вчера принесли из православной семьи Сайфулиных икону Почаевской Божией матери, им завещанную бабушкой. Она говорила: "Храм откроют -- в него отнесите". Икона была темной, а на Благовещение начала светлеть. А сейчас, наутро после освящения, просто будто только что написанная. К ней все прикладываются.

Обсуждаем вчерашнее. В основном замечания, которые

услышали. Конечно, всем хочется, чтобы весь храм был отделан для служения.

-- Не все сразу, -- говорит батюшка. -- Мне когда говорят, я спрашиваю: "А ты сколько пожертвовал?" Молчит. "А сколько пропил?" Все постепенно. -- Но видно, что батюшка не собирается останавливать раскрученное колесо ремонта. -Сейчас надо до холодов разобрать примерную, котельную, сложить печь, завезти цемент, песок и зимой работать.

А в остальном Кильмезь как жила, так и живет. Нет воды в верхних колонках, выручает фонтан. Комары и мошка. Сидит пьяненькая

от бражки старуха с привязанной к руке козой, не понимающая, утро ли, день ли, социализм ли, капитализм ли. Куда-то пошли туристы с мешками выше голов. Идет вольно одетая молодежь. Гремит в клубе музыка такой силы, что дверь шатает как сквозняком. Около стадиона, в ауте, пасется черная корова, напоминая о проигрыше кильмезской команды с названием "Надежда". Разгружают хлеб у магазина... Вроде ничего не изменилось. Но нет, изменилось -- в Кильмези храм, Кильмезь прошла второе крещение, Кильмезь идет к Господу, Кильмезь будет спокойна и счастлива. И еще много заборов

перебодают мужички, много огорчений будет в жизни, но, когда в ней появляется смысл, жить становится легче. Смысл этот -- в спасении души.

А для меня -- высшее счастье было участвовать в освящении храма, причаститься там, где долгое время плясали, выступали, пели "Интернационал". И плясать, и петь неплохо, но не в церкви. И все беды России были оттого, что храмы были осквернены. Сейчас хорошеет русская земля, вот и еще один корабль нашего спасения спущен на бурные волны житейского моря. Лебединой белизны, с вознесенным в небеса крестом, он поможет нам

пройти любые штормы земной жизни. И уже кажется, что всегда в Кильмези был храм, всегда в нем была служба, крестили, венчали, отпевали, всегда несли сюда свои беды и невзгоды, свои душевные тяготы, грехи и никто не уходил неисцеленным.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)